

Знамя Юности - Минск - 1991 - 10 лет.

СО ЗВЕЗДАМИ ГОВОРЯЩИЙ

В ЭТИ дни мы отмечаем столетие со дня рождения классика новейшей белорусской литературы Максима Богдановича. Часто читателю не внушает доверия холодное, как сама вечность, слово «классик». В нем что-то устаревшее, прошлое, окаменевшее. Но это ни в коем случае не относится к вечной, со звездами говорящей, поэзии Максима Богдановича, к тому же, если еще учесть, что поэту шел двадцать шестой год, когда оборвался его земной путь.

В поэзии Максима Богдановича — удивительное сочетание невыродившейся молодости и зрелой мудрости. Все самые возвышенные и восторженные эпитеты блекнут перед талантом новатора, первооткрывателя новых тем и горизонтов в белорусской поэзии, критике, эссеистике, прозе.

Интуитивно поэт предчувствовал всесметающее дыхание революционного эксперимента. И в точных и объемных строках стремился передать потомкам еще уцелевшую языческую древность и природу, белорусский лад души и мысли и в его классической нетронутости — город. Рафинированный интеллигент был и урбанистом, и язычником, и селянином. Все эти черты до сих пор характерны для белорусской нации. Цикл «Места» (теперь мы уже под влиянием не совсем добровольным называем — «Город») униканел по охвату тем, по передаче настроения города, по ювелирному мастерству. Поэт воспел древнюю столицу Беларуси — Вильню.

И знаменательно, что поэт, родившийся тоже в Минске в один месяц с Максимом Богдановичем, поэт молодой возрастом, но зрелый мастерством, хочет придать русское звучание стихам гения белорусского слова. Он подхватывает урбанистическую эстафету Максима Богдановича в своих стихах. Поэт этот — Радислав Лапушин. И вместе с читателями «Знамени юности» мне захотелось порадоваться тому трепету, той любви, с которой переозвучены стихи Максима Богдановича по-русски. Это скромный подарок поэта Радислава Лапушина столетнему юбилею нашего классика. Настоящий классик всегда молодой!

Рыгор БОРОДУЛИН.

Максим БОГДАНОВИЧ.

Из цикла «Город».

***

Вьются улочки Вильни и гулко гремят!
Человечий поток нескончаемо длится,
Фонари зажигаются, онна горят,
Блеск огней отражают потухшие лица!

А свернешь в переулок — он тесный, кривой;
Стародавняя жизнь проступает сурово;
Меж каменьями — мох вперемешку с травой,
И на башне глядят круглоокой совой
Циферблат — терпеливый свидетель былого.

Тихо здесь. Неподвижно и сумрачно спят
В небе узкие шпили, бойницы, ворота;
Стук шагов одиноких звучит невпадопад,
Слышно: в колокол сонный неспешно звонят,
Сквозь безмолвную мглу онликая ного-то.

Вспоминай, мое сердце, минувшие дни!
По приказу бурмистра округа стихает,
Люди окна закрыли, погасили огни...
Стража рядом прошла... И не спим мы одни —
Я и черный кожан, что над башней мелькает.

***

Наплыви света в синей вышине...
Витрины... море вывесок... как пятна,
Анонсы и плакаты на стене.
Кипит толпа на жестком улиц дне!
Разносчики снуют туда-обратно,
Зовут наперебой, кричат невнятно...
Стук, гомон, гул — повсюду и во мне.

А дальше — окна касс, огни, киоски,
Ломбарды... банки... хлипкие повозки...
Сияющий паровоз... людской поток...
Зеленый семафор... пакгауз... склады...
Заводов тьма... пронзительный гудок...
О, города и горечь, и улады!

***

За крышами города золото дня угасает;
Густеющим сумраком воздух наполнен до края;
И видно, как легкие искры трамвай высекает,
И звезды срываются, в небе далеком сгорая.
С бульвара притихшего музыка вкрадчиво
Льется,
И вязко огонь фонарей мошну завлекает;
Как легкая туча, вокруг она вьется и вьется,
А к свету пробиться не может: стекло не
пускает.

И вспомнилось мне: средь осенней
Нахмуренной ночи
Вот так же огни высоко над землею горели.
Послышилась музыка, вспыхнули радостно
очи...
Стекла не заметив, мы к свету наивно
взлетели.

***

В глухих проулках — ночь глухая,
Глуха вседневная толпа.
И кто расслышит, пробегая,
Гул телеграфного столба?

Он словно плачет о просторе...
Гуденьем проволочных жил
Он пересказывает горе
Полей, холмов, лесов, могил.

Полей, где, вытянувшись, выюга
Бросает ввысь холодный снег,
Полей, где всё бушует глухо,
Где неразлучны стон и смех!

И этот гул мне в душу влился,
Со мной о прошлом говоря...
Бессильно вскрикнув, прислонился
К воротам возле фонаря.